

Он заходил навеселе и бойко рассказывал о своих неудачах, выпрашивая деньги, которые тут же пускал на ветер. Однажды я оплатил ему вырезвитель.

– Ты понимаешь, – признался Юрка. – Я фараона уронил.

Мы говорили о милиции враждебно.

– Как это было?

– Эти архангелы меня заковали и потянули по липкому снегу. Ноги мои не шли. Я поскользнулся... Тот самый, который меня держал, мусорило опрокинулся со мною. Уже потом, в каталажке, он мне упрямо всю ночь доказывал, будто я сопротивлялся. Эти самые ментавры, Саня, их было двое, меня обобрали, а утром вдогонку выписали штраф. Позычь мне восемьдесят рублей.

Это были большие деньги. Я работал огнеупорщиком, а Юрка продавал сигареты в маленьком магазинчике. Он шельмовал, скрывая доходы, забывая про кассовый аппарат. Барыши мой приятель пропивал.

Я протянул сторублёвку.

Друган умчался и вернулся с бутылкой водки. В вырезвители он, конечно, не объявился.

– А как же невыплаченный штраф? – рассердился я.

– Штрафы, Саня, необходимо платить, – согласился Юрка. – Но ты же мне товарищ? Дай ещё одну сторублёвку. Я завтра верну.

– Не дам. Мы сегодня отправимся в твой любимый трезвяк и попробуем рассчитаться.

Была суббота.

Увидев незнакомого человека, дежурные растерялись. Они решили, что ограбленный ими Юрка привёл с собою юриста. Я потребовал квитанцию об уплате штрафа.

– Вот этого я уронил, – гордо прошептал мне мой товарищ, сверля глазами громилу в милицейском мундире.

Тот уткнулся в бумаги, застеклённые на столе, но огрызнулся:

– Я за такие деньги, которые ты нам этой ночью предоставил, готов падать весь день без парашюта.

Я не юрист, я простой работяга. Я не приручил этого солдафона.

С Юркой мы вместе росли и враждовали с другими дворами. После окончания учёбы в школе мой одноклассник подался в мореходку, однако на флоте долго не задержался и однажды, вернувшись из кругосветки, стал великим комсоргом. Кто его подтолкнул на эту должность, я не пытал. Я верил в его заслуги. Но вот наступили продажные времена, и комсомол себя исчерпал. Мой приятель оказался в Москве. Однажды мне показали его визитку. В столице Юрка трудился столоначальником.

– Живут же на белом свете! – вздохнула Марина.

Мы вспоминали общих знакомых, обсуждали их жизненные потуги, успехи. Уже прошли финансовые реформы, деноминация рубля, но зарплату задерживали по году.

– Это ж мой лучший друг, – признался я Марине.

В душе затаилась надежда, что когда-нибудь Юрка вернётся из Москвы и вспомнит обо мне.

– Саня, – он скажет, – ты устал, я тебе помогу. Ты никогда не будешь больше огнеупорщиком, ты тоже станешь столоначальником, как и я. Будешь ездить на шахматные турниры, куда захочешь – в любое время года.

И Юрка вернулся.

Я уже покинул металлургию. Ишачил на северах. Платили мне неплохо. Пытаясь найти дорогу в богатое рабство Тюмени, многие неудачники просили мою подсказку. В Сибири предоставляли временное жильё и талоны на обеды.

– Я хочу поехать с тобою вместе, – признался Юрка при встрече.

– А я почему-то думал, что ты предложишь мне податься в Москву. Ты же успешный человек?

Уже потом я узнал от его матушки, что мой приятель сошёлся с женщиной и переехал к ней из Москвы в Саров. В тот самый закрытый город, где находится ядерный центр России. В какой-то момент семейной жизни Юрка ударился в беспробудное пьянство и потерял документы. Жена ли его, сожительница, я уже не узнаю, эта женщина прогнала друга. Ютился в старом пустующем вагончике около пропускного пункта с надеждой, что подружка его простит и заберёт обратно в тепло, к себе, к совместной жизни. Но этого не случилось. Похолодало, пришла зима. Караульные солдаты помогали бездомному соседу, кормили, вызвали мамку из Новотроицка. Старушка тут же приехала к сыну и увезла его к себе домой – полуживого, ослабшего. В тепле её ребёнок очухался и окреп. Теперь вот искал работу.

– Саня, я буду горбатить так же, как и ты, я тебя не подведу.

Начальник подрядной организации не был сварливым человеком, но, принимая Юрку в свою шарашку, сердито заметил:

– Ты, Сашка, уже второго такого специалиста ко мне приводишь. Будешь работать сам – и за него, и за себя.

– Я, Анатолий Геннадьевич, и за тебя горбачу. Такая моя ишачья доля.

– Ты неисправимый марксист, – съязвил начальник.

Около года мы с Юркой выживали на северах – грязные, измотанные работой.

Когда наши гастарбайтерские поездки закончились, я купил себе квартиру и воротился в металлургию.

– Хочешь пойти со мною вместе? Я помогу тебе оформить четвёртый разряд огнеупорщика.

– Нет, – отмахнулся Юрка.

– Ты разве боишься высоты?

Моя очередная работа была связана с ремонтом промышленных дымовых труб.

– Нужно ежедневно рано утром вставать и постоянно трудиться.

– Ты же ни разу не прогулял, не проспал, не заболел, работая в моей бездомной бригаде на Нефтехиме! Или мы тебя хоть раз обманули?

– Ты, Саня, меня ни разу не обманул. Моя мамка мне постоянно говорила и говорит: «Ты слушайся Сашу, не подведи его, не пей много водки».

Ох, уж эти мамы! Моя мне тоже говорила о том, что новый директор нашего комбината Сергей Филиппов – мой ровесник, что он трудолюбив, успешен и спасает от кризиса всю Россию. Так писали газеты.

Свою мамку Юрка уважал и боялся огорчить. Когда она находилась где-то рядом, товарищ меня одёргивал, предугадывая всякую нецензурность. «Потише, Саня, потише. Не матюгайся». Без мамки, на воле, он не был таким щепетильным и выражался, не церемонясь, как и я.

В Тюмени я видел непьющего Юрку. Но на родине он сорвался и в запойные дни шатался в поиске ночлега, не желая идти домой. Сверх меры поддатый горемыка, заикаясь, успокаивал свою маманю по телефону: «Мамочка, ты не волнуйся. Я буду у Саши». Она ему отвечала: «Хорошо» и следом просила меня не обижать её сына. Я становился гарантом их временного покоя.

Своё ничтожество я не осознал. Спустился на время с дымовых труб, обул вибамы, оделся в пуховики и отправился в горы как восходитель, чтобы на собственной шкуре испытать непомерные тяготы, воспетые в стихах. И преуспел. Мой первый наставник меня заметил. Он предложил совершить совместные восхождения в Доломитах.

– Через год я пойду на «шестёрку», но будет время и с тобою позаниматься.

Я испугался дороговизны этого путешествия, однако инструктор меня обнадёжил.

– Это недорого.

– И сколько?

– Триста долларов.

– Такого не может быть.

Этот человек – известный учёный и спортсмен. Он повторил:

– Триста долларов, Саша, и паспорт. Ты отдаёшь его мне для оформления визы и медицинской страховки.

– Это правда?

– Не сомневайся. Мы заключили с гидами из Европы взаимный договор о том, что они принимают нас в своих альпийских лагерях, а мы принимаем их в Крыму и на Кавказе. В нашем клубе есть микроавтобус. Деньги понадобятся лишь для покупки в Европе их бензина и продуктов. Такие таможенные законы.

Через пару дней я получил зачётную книжку спортсмена в квартире этого великого мастера. Он предложил мне покушать вместе с ним.

– Борщ и арбуз. Александр, другого нет.

Я постеснялся и жалею об этом.

– Моё предложение поехать со мною вместе в Доломиты остаётся в силе!

С его стороны это было большое доверие. Я вернулся домой и спустя полгода накопил тысячу долларов.

Но поездка в Альпы не состоялась. Паспорт я так и не оформил и вместо Италии отправился в горы Алтая на русские рубли. Валютная зачка осталась до лучших времён.

Юрка устроился к Серову на базу вторсырья и очищал от жира шкуры убитых домашних животных. Как экспедитор он за ними и с ними мотался на хозяйской машине по деревням.

Однажды Юрка представил нового босса.

– Ты же знаешь, это – Серов.

Они пришли ко мне домой. Я тут же насторожился:

– А как же, в детстве мы жили в одном дворе и читали одни и те же книги.

– Ещё играли в шахматы и ходили в походы, – добавил Серов.

Я догадался, что мои товарищи появились не для того, чтобы про это вспоминать.

– Мне нужно тысячу долларов, – выдавил Юрка. – Саня, я знаю, что ты мне ни копейки не дашь, но Серов, наш общий приятель, это, как и ты, – непьющий человек, и к тому же он – бандит. Честное слово бандита в России прочнее стали. Серов напишет тебе расписку и будет моим гарантом.

– Не называй меня бандитом, – откликнулся Серов, но подтвердил: – Я верну эти деньги, Саня.

На них Юрке купили подержанную «шоху». Её подшаманили, запаляли, покрасили, оформили технические бумажки, и мой приятель «занялся мясом». Он закупал его у сельчан, привозил на рынок и сбывал продавцам. Теперь уже Юрке хватало денег не только на водку. Для фарта он приобрёл себе дорогие часы, принарядился и вне работы повсюду появлялся в пиджаке, словно барин. Случалось, он тараторил мне про опасности в своей новой шофёрской жизни.

– Повсюду обледеневшая дорога, Саша. Пуржит. Прицеп юлит, словно хвост у барса. Его заносит то вправо, то влево. В прицепе – мясо. Того и гляди, окажешься в кювете в разбитой машине или хуже того...

Он замолчал.

– И что же хуже того на этом свете?

– Ну, предположим, из ночи навстречу неожиданно выскочит автобус или фура какого-нибудь богатого барыги, перевозящего грузы. Бац-бац друг в друга, и тогда мне с ними вовеки не рассчитаться.

Когда его лыко уже почти не вязало, Юрка ругал ненасытные государственные конторы.

– Этому двести, этому триста, этому полухатку. За каждую справочку на лапу подай или угости: мента ли, санитаря ли, директора рынка. Кому-то из них необходимо побольше деньжат, а кому-то чуть-чуть поменьше. Не ошибиться б. Это, Саня, издержки моей рискованной работы...

Через год я напомнил ему о долге.

– Вы деньги-то мне вернёте?

Как обычно Юрка, будучи пьяным, явился ко мне заночевать, спасая мамку от лишних переживаний.

– Серов мне на это вчера ответил: «Зачем ему деньги?»

– Его расписка ещё цела.

– Я ему про это тоже объяснил.

– А он?

– «А что мне его расписка? – спросил у меня Серов и предложил: – Давай его, Юра, кинем». В суды он не пойдёт, ума у него не хватит. Продажны наши суды, ленивы без пододрева.

– А если пойду?

– Тогда на этот случай... Саня, дай, подушку.

Он достал из кармана брюк пистолет системы Макарова, бросил его мне под ноги на ковёр, разделся и, засыпая на диване, досказал:

– Если нет человека на этом свете, Саня, то ему никто ничего не должен. Серов мне приказал тебя убить.

Без лишних переживаний Юрка мгновенно уснул, а я беспокойно ворочался в соседней комнате с боку на бок на поломанной койке, под которую вместо ножки была подложена стопка книжек, и переживал, прислушиваясь к каждому вздоху друга.

Утром в прихожей зазвонил телефон. Полусонный, я босиком помчался к трубке и едва не наступил на пистолет. Кошерные Юркины часы валялись рядом с ним. Их хозяин ещё не очухался. В комнате пахло его невымытым телом. Чтобы спросонок случайно не повредить чужие часы ногами, я их поднял и убрал в ящик тумбочки, на которой трезвонил телефонный аппарат.

– Алло! Это кто?

– Это Колька.

Мне честь не велика. Я без отдачи не нужен. Значит, что-то случилось.

Николай – человек из мира шахмат. Будучи пацанами, мы познакомились в Доме пионеров. Шёл шахматный турнир. Николаю очень хотелось сыграть в нём, но команду его школа не выставила, и залётного мальчишку окружили местные шишкарки. Я заступился за Кольку. Впоследствии он никогда меня не предавал, но, попадая в конфликтные ситуации, просил мою помощь. Даже получая по мордасам, мы оставались надёжной силой, способной к сопротивлению любому двору. Когда я отправился на воинскую службу в голодный ракетный край, Колька присылал мне посылки с гостинцами. Потом его упекли в сумасшедший дом в Круторожино, и вернулся он оттуда инвалидом и шизофреником. С больным человеком тут же перестали общаться все его вчерашние друзья и подружки. Только я оставался его защитником, готовым в любую минуту прийти на помощь и отдать свою жизнь за товарища или отнять её у врага – без страха перед законом, без всякой клятвы. Кто был из нас служебной собакой, а кто её хозяином, я не гадаю.

Бухали...

Колька женился. Полуслепая супруга пилила его за пьянство. В такие дни, как и Юрка, он уходил из дому ко мне, откуда опять же по телефону для форса отчитывал подругу:

– Да, я напился. Ирина, я напьюсь ещё много раз. Да-а, я ушёл из дому. Я так хочу. Я сегодня буду у Сани. А ты не огрызайся в телефонную трубку. Я ж твой муж. Я могу вернуться обратно домой и тебя избить... Ты позвонишь моему отцу?

В преддверии женитьбы последнего сына его родители поменяли трёхкомнатную квартиру на две полуторки и доживали в одной из них один на один. Нелюбовь, питавшая брак у стариков, обострилась. Мамка у Кольки умерла. Папашка остался один. Свою невестку он не лю-

бил, но боялся за сына и почитал своим долгом общаться с его женой. Старик доживал в той же самой хрущёвке, где находилась моя квартира. Я на первом этаже, он на четвёртом.

– Сейчас мой папаша зайвится сюда, но ты его к себе не впускай, – приказывал Колька.

– В мою-то квартиру? Он – ветеран войны. Как я ему могу отказать?

– Вот так и откажи. Гони его погромче и матом. Этот человек извёл мою мать за то, что я – психический урод.

Когда озабоченный Колькин родитель спускался и робко стучался, я под шипение друга всё-таки отправлялся в прихожую и с другой стороны двери прислушивался к тому, что творится на лестничной площадке. С собою наедине или с кем-то из прохожих старикан разговаривал обо мне.

– Это тот самый Саня. Он лучший шахматный игрок во всей округе. Он пишет ядовитые рассказы, которые печатают в толстых литературных журналах. Саня ходит с друзьями в горы по выходным. В прихожей у него висит ледоруб. Я боюсь этого человека. Что я ему скажу, когда откроет? Он же меня пошлёт...

Через какое-то время, не дождавшись гостеприимства, Колькин папашка уходил к себе домой. Он поднимался по лестничной клетке, шлепая тапочками, вздыхая о пропащем сыне, – ветеран Сталинградской битвы.

Утренний Колькин звонок меня напугал. Мой друг задыхался.

– Алло...

– Что-то произошло? Опять? А-а? Колька, ты почему молчишь?

– Немедленно приезжай, – выдавил мой товарищ. – Это не телефонный разговор.

Его голос звучал как в те далёкие детские годы, когда мы дружно ломали границы враждующих дворов. В нём была тревога.

– Куда приехать?

– На Западный. В Дом культуры.

Здание отдали в аренду торгашам, и управляли им рэкетеры, поделившие город. Злачное стало место. Там набивали стрелки непокорным предпринимателям. Только и было слышно повсюду, что в этом бывшем Доме культуры кого-то унизили или обложили долгами, угрожали физической расправой, после чего многие молодчики пропадали бесследно, другие бегло распродавали имущество и уезжали в чужие края. Кто-то сопротивлялся. Однажды в этом Доме культуры взорвали передний вход и побили фасадные витражи. Поставить новое остекление оказалось не по карману ни арендаторам, ни управе. Но всё-таки кто-то подсуетился, и стенные пробоины заложили кирпичами. С тех пор архитектурный ансамбль стал похожим на закрытый со всех сторон средневековый несказочный замок, ожидавший новой атаки дикарей. Мне предстояло в него явиться на помощь другу.

Я накинул пуховик, поднял чужой пистолет и, проверив наличие в нём патронов, отправился в логово новых русских агрессоров. Колька подждал меня около входа, растрёпанный, жалкий, как и все душевнобольные, глядя широко открытыми безумными глазами, хрипя.

– Скорее, Саня.

Чтобы не сплеховать в лихую минуту, я нащупал в кармане предохранитель. Николай потянул меня за рукав, и мы полетели по коридорам. В растворе полуоткрытых встречных дверей мелькали стеллажи, на них лежали коробки с товарами, в просветах было видно, как витала

в комнатах пыль. Местами немusыкальнo басили уверенные барские голоса, доходившие до крика, возвышающие начальство.

В просторном классе, куда мы примчались, за учебными столами сидели важные особы. Перед ними лежали раскрытые тетрадки. Одного человека я узнал. Он работал в поликлинике и не был бандитом. Я успокоился, разделся. Свою верхнюю одежду положил на подоконник и забыл про пистолет.

Вошла румяная дама. Колька представил меня как нового члена учебного процесса.

– Я уже второго друга привёл, Наталья Семёновна. Вы его зафиксируйте в моё коммерческое дело.

– Хорошо, – ответила дама, и представление состоялось.

Под её диктовку ученики строчили материал. На перемене я узнал, что многие из них имели высшее образование, но в поиске лёгкого богатства подались в сетевой маркетинг. Их не смущало то, что порою их училка не к месту употребляла обороты речи, часто грешила тавтологией. Набор высокопарных слов у неё чередовался с уличным сленгом. Междометия, их тоже было немало, не украшали процесс этой говорильни. К концу второго урока я окончательно убедился в том, что эта дама – не гуманитарий.

– Я золотая, – повторяла она безумно. – Я стану бриллиантовой. Я вас научу, как можно быстро разбогатеть.

Были озвучены адреса фирм, поставлявших продукцию из Европы, оглашена система ценообразования, обещаны бонусы за вовлечение в торговые сети новых коммерсантов, раскрыты удивительные секреты общения с покупателями. На третьем уроке последовало предложение продолжить учёбу на платном мероприятии. Я не выдержал.

– Вы кто по профессии?

– Я маркетолог.

– А раньше кем вы были?

– К чему такие вопросы?

– Я плохо воспитан.

– Отвечу... Я и раньше торговала. Но у прилавка. Сегодня это делают мои продавцы, а я вовлекаю в бизнес всё новых и новых членов.

– У вас большое образование?

После этой бестактности на меня зацыкали соседи. Почуввав мою агрессию, ведущая рассердилась.

– Я не имею российского образования, я имею международный диплом от компании МЛМ. Работа в ней – это самый верный и быстрый способ разбогатеть.

– Но если все люди займутся маркетингом, то кто же будет производить товары и, скажем, лечить людей?

Желая поддержки, я поглядел на врача, на Кольку. Они безучастно глядели мимо меня, не выпуская авторучек.

– Разве плохо лечить людей?

В этот момент я спекулировал словесами не хуже депутата Государственной думы, и люди, присутствующие в классе, ополчились против меня.

– Ну и что из того, что у неё нет высшего образования? Зато она богата, – заголосила какая-то солидная женщина, – у меня за спиной – аспирантура и диссертация, а я, как простая училка, не знаю, на что живу.

Её поддержала подруга, с виду попроще.

– Ты, наверное, самый умный? Я всю свою жизнь отработала медицинской сестрой. Объясни, на что мне такая работа? Этому клизму поставь, тому катетер, третий от боли орёт. Он без меня не может перевернуться на кровати. А в конечном итоге – пустой кошелек. Мне внукам не на что конфеты купить.

Мужчины тоже ругали меня не меньше женщин, с трудом подбирая цензурные словеса.

– Где твоя родина, лепила?

– Ты кто такой?

– Откуда взялся?

– Скажите, кто его привёл? – угрожающе слышалось отовсюду.

– Вон отсюда! – приказала ведущая.

Только на улице я обнаружил, что моя верхняя одежда осталась в учебном классе, и вернулся, чтобы её забрать. Мужчина, который обозвал меня лепилой, взял с подоконника мой незавидный пуховик и швырнул его ко мне. Курка упала на пол. Из кармана вылетел пистолет. Злорадство, до этого стоявшее в помещении, сменилось молчанием. Я слышал, как бьётся моё тяжёлое сердце, Колькины хрипы из дальнем угла и стук проезжающего на улице трамвая.

– Порешил бы я вас, да мараться неохота.

Это было последнее и чужое, что я сказал на этой встрече.

Когда я вернулся домой, Юрка уже проснулся и передвигался по залу на четвереньках, заглядывая под мебель.

– Ты что-то ищешь?

– Саня... Ты не видал мой пистолет?

– Тот самый, из которого ты вчера хотел меня пристрелить?

– Откуда ты про это знаешь?

– А ты уже про это не помнишь?

– Наверно, я очень много выпил.

– Когда мы выживали с тобою в Тобольске, однажды ты во время массовой драки спрятал в кладовку все ложки, вилки и ножики.

– Чтобы не было лишней крови.

– Вчера я сделал то же самое и припрятал твой пистолет, чтобы не было лишнего огня.

– Это не мой пистолет. Это пушка Серова. Я должен её отдать.

– Я очень этому рад. Когда вы вернёте мне мои деньги, я верну вам вашу пушку, а пока что мне ведь, Юра, тоже хочется кого-нибудь убить.

– Саня, ты пойми. Я охранник. Серов меня уволит, не рассчитавши. Отдай мне его вольну.

– А ты меня возьмёшь и убьёшь? Или ты вчера про это нечаянно пошутил?

– Нет, Саня, это была не шутка. Твою судьбу решили во время пьянки.

– За тысячу долларов?

– Саня, мне негде жить, верни мне оружие. Я сегодня дежурю на проходной. Если Серов меня прогонит с работы, то я поселюсь в твоей квартире.

– Я тебя к себе не впущу, я буду отстреливаться.

– Я тебя умоляю. Саня...

– Ты, Юрка, хотел меня убить. Это после нашей совместной тобольской нищеты, моего молока и коврижек?

По выходным я играл на деньги в шахматном клубе. Турниры проходили организованно, и у меня появились живые копейки на молоко

и печенюшки. Вместе с Юркой мы поедали всё это на пустующей детской площадке – пройдохи и бродяги. Как ещё назвать?

Я отдал ему вольну.

Спустя неделю Юра вернул тысячу долларов. Он появился в парадном костюме, помолодевший.

– Вот твои деньги, Саня, и проценты с их оборота. Как обещал.

– В чулке, поди, пролежали всё время и не помялись?

– Я честно признался Серову, как ты меня обезоружил и отправился с его вольной наперевес на разборки в коммерческую помойку на Западном. Серов очень долго смеялся. Он рассказал про это своим друзьям, хозяевам замка. Бандиты решили тебя не убивать и за полдня собрали тысячу долларов в знак особого почёта к твоей особе.

Мой товарищ не сразу сообщил, что сам он продал заезженную «шошу» и гараж. Его бизнес закончился навсегда.

– Сегодня я, Саня, надел новый костюм и начинаю новую жизнь.

– В новом костюме?

Я не ехидничал, я облегчённо его спросил:

– Ты умеешь завязывать галстуки? А я вот так и не научился и поэтому не женился.

– Умею, – ответил друг.

– Куда ты пойдёшь?

Отвечая, товарищ достал казенное письмо.

– К вам и подамся... Меня пригласили для важного разговора на комбинат. Ты видишь, подписано: «Гусев, начальник отдела кадров».

С беспородными работягами этот Гусев никогда не общался. С нами якшались его девицы, далёкие от служебного роста.

– Чего же он хочет?

– Товарищ Гусев приглашает меня на службу.

– В какой отдел?

– В газетах искали человека на социалку, об этом читала мама. Я же – бывший комсомольский работник. Зарплата невелика, но полный пакет социальных льгот и карьера начальника.

– Тогда удачи, руководи, возвышайся над нами...

Он вернулся бухой и хмурый, и я не удержался от яда:

– Каким же примером ты станешь для молодёжи?

А было ль ему куда идти, чтобы поплакаться?

– Мне предложили катер.

Более года эту посудину творили в цехе сборки металлоконструкций. Все проходившие мимо ротозей гадали: «Кому она, на что?» Когда судёнышко исчезло, о нём забыли. И вот оно объявилось на Ирикле – в искусственном море.

– Это плавучая база для отдыха вашего директората, – промолвил Юрка. – Там нужен капитан.

– Ну вот и слава богу, что он там сегодня нужен. Тебе оказали большую честь.

– Изучая кадровые архивы, у Гусева узнали, что в нашем городе только два человека окончили мореходку. Один из них сегодня профессиональный политикан у Жириновского.

– А вторым оказался ты?

– Дело в том, что на этом катере уже был один капитан – неважный, из местных, из ириклинских, но он в чём-то накосячил, и случилась проверка кадровых документов. Инспектор обнаружил его несоответствие занимаемой должности. Этот катер, Саня, имеет большое водоиз-

мещение, и управлять им должен настоящий судоводитель. Я обладаю таким дипломом.

– Ты согласился на капитана?

– Я отказался.

После продолжительной паузы он объяснил мне причину.

– Катер необходимо два раза в год ремонтировать, удаляя ржавчину и старую покраску, перекрашивать, следить за его моторной частью. Я это не потяну. И хуже того, нужно постоянно мотаться по магазинам – простую водку дирекция вашего комбината не пьёт. Во время их оргий я должен находиться на месте и угождать пассажирам и особенно пассажиркам, выполнять их всяческие приказы и прихоти. После этих великих пьянок я, Саня, не хочу убирать за ними пустые бутылки, запытки да рваные трусы, ведь этот катер увеселительный, он для блуда.

Спустя какое-то время в том же отделе кадров его начальник Александр Сергеевич Гусев предложил Юрке продать документы на право вождения кораблей.

– Вашу фамилию мы аккуратно удалим и впишем другую – серьёзного человека, катер уже необходим для отдыха нашим людям.

– Неймётся вам от скуки, – ответил Юрка в отделе кадров. – Я в учебке палубы драил, я три раза ходил в кругосветки, я соль глотал по всем океанам и морям, – и не продал диплом морехода.

– Это единственный документ, заслуженный мною в жизни. Все остальные бумажки я потерял, – признался он мне после этих встреч. – Ты же знаешь об этом, Саня...

Он умер через год. Пуржило, была зима, стояла тёмная ночь. В холодное время на улицах пусто. Утром его тело обнаружили около хрущёвки, в которой он проживал вместе с мамой. После осмотра медики написали, что причина смерти – сердечная недостаточность. С детства у Юры был какой-то порок, и, чтобы не искать криминал, милиция тоже согласилась с таким исходом. Когда усопшего отпевали в кладбищенской часовенке, я наблюдал, как плакали все его близкие люди и друзья: старая матушка, дочка, бывшая первая Юркина жена, с которой он был в разводе много лет, Серов... Он тоже плакал, размазывая слёзы. Но я был сух. Крадучись дошёл до гроба, заглянул в безнадёжно мраморное лицо товарища да потом уже во время погребения бросил в могилу три горсти рассыпчатой глины, чтобы пухом была земля.

Прошло десять лет...

Мне уже шестьдесят. Я многое перенёс за эти годы, многим переболел, покалечен, был даже в коме. Однажды в больничке я случайно встретил Серова. Он тоже не молод и не бессмертен.

– Ты знаешь, Саша, а ведь Юру тогда убили и ограбили.

– Не может быть.

– У него на шее был серебряный крест, и кроме него пропали часы. Он ими очень гордился.

Я промолчал. За десять с лишним лет я ни разу не заглядывал в тумбочку, на которой гремел телефонный аппарат в тот самый день, когда я обезоружил пьяного друга...